

Восприятие возраста в традиционных обществах

Категория времени, представления о нем, имеют разнообразные формы репрезентации в человеческой жизни. Одной из таких форм может быть категория возраста, в рамках которой происходит встреча сугубо индивидуального переживания времени с его социально обусловленными формами.

В современном обществе, характеризующимся стандартизацией и унификацией, возраст, его формально определенная количественная мера, является категорией точной. В прошлом же, в особенности в традиционном обществе, возраст выступал и в качестве категории относительной.

Однако относительность возраста вполне осознается и современным человеком. Так, современные специалисты в области возрастной психологии отмечают, что «в биологически и в психолого-педагогически ориентированных представлениях (вполне научных) границы возраста и возрастные особенности развития считаются достаточно условными, исторически случайными, которые самостоятельного значения не имеют, а являются скорее результатом устоявшейся традиции»¹. Это является результатом изначальной амбивалентности бытования этой категории. Можно выделить, по крайней мере, два ее значения. «Абсолютный (календарный, или хронологический) возраст выражается количеством временных единиц (минут, дней, лет, тысячелетий и т.п.), отделяющих момент возникновения объекта до момента его измерения. Это – чисто количественное, абстрактное понятие, обозначающее длительность существования объекта, его локализацию во времени. Определение хронологического возраста объекта называется датировкой»². Что касается второго значения рассматриваемой категории, то оно в большей степени психологично и напрямую связано с социокультурной матрицей, задающей вполне определенную систему координат: «Условный возраст (или возраст развития) определяется путем установления местоположения объекта в определенном эволюционно-генетическом ряду, в некотором процессе развития, на основании каких-то качественно-количественных признаков. Установление условного возраста – элемент периодизации, которая предполагает выбор не только хронологических единиц измерения, но и самой системы отсчета и принципов ее расчленения»³.

Еще более определенно это можно сказать об обществе традиционном. А.Я. Гуревич приводит примеры различных схем возрастов человеческой жизни, бытовавших в средневековом обществе и основывавшихся неизменно на символике чисел. Это трех-, четырех-, шести-, семи- и даже двенадцатичленные схемы. В Древнем Риме существовало семь возрастных групп: *infantia*, *pueritia*, *adulescentia*, *iuventus*, *virilis aetas*, *senioria*, *senectus*.⁴ А.В. Коптев отмечает, что в Древнем Риме «жизненный цикл взрослого человека – возраст социальной активности – начинался у римлян после 16 лет и заканчивался в 60 лет. Вступавшие в период социальной активности *sodales-sobrini* совместно проходили все жизненные этапы и вместе выходили из этого периода в 60 лет. В течение этого периода обращает на себя внимание рубеж, приходившийся на 46 лет. Мужчины до 46 лет рассматривались как *iuniores*, а после 46 лет – как *seniores*»⁵. Точная продолжительность каждого возрастов определяется исследователем на основании двух первых детских групп: «Поскольку на эти 16 лет приходятся два возрастных периода (*infantia* и *pueritia*), можно предположить, что некогда продолжительность исходного возрастного статуса (*age strata*) у римлян исчислялись 8-ю годами. Ориентация на 8-летний цикл была достаточно широко распространена в античном Средиземноморье. В своей основе она имела наблюдения за лунно-солнечными и звездными циклами. Поколенные сроки имели большое социальное значение на догосударственной стадии развития и определялись не случайными числами, а были связаны с календарными космическими циклами, числовое определение которых фиксировало «мировой порядок». Общественная структура рассматривалась как репродукция системы космической, мир людей как калька мира богов, а регулировавшие в нем порядок законы были ниспосланным богами сакральным правом»⁶.

¹ Слободчиков В.И. Категория возраста в психологии и педагогике развития // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 39.

² Сапогова Е.Е. Психология развития человека. М., 2001 // <http://www.pedlib.ru/Books/1/0439/index.shtml>

³ Там же.

⁴ Коптев А.В. Система возрастных классов архаического Рима и реформа Сервия Туллия // <http://ancientrome.ru/publik/koptev/koptev06.htm>

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Некоторое пересечение с системой возрастных групп Древнего Рима мы можем обнаружить в ряде других обществ. Так, например, в традиционном осетинском обществе можно выделить следующие возрастные классы: 1) дети до семи лет; 2) от 7 до 16; 3) от 16 до 30; 4) от 30 до 45; 5) старше 45 лет⁷. Каждому классу соответствовала определенная социальная роль, свой спектр прав и обязанностей. В основе же градации лежит семилетний цикл⁸.

Обращает на себя внимание часто повторяющееся в традиционных обществах принципиально важное отношение к рубежу 15-17 летнего возраста, в том числе и у далеких от европейских народов тюркоязычных кочевников: «К важному для раннесредневековых кыргызов социальному возрасту следует отнести промежуток между 15-17 годами (связанного, скорее всего, с наступлением шестнадцатилетия), когда, по видимому, обществом регламентировалось начало службы юноши на благо отечества»⁹. Исследователи отмечают подобное в отношении значительной части тюркоязычных народов: «Можно увидеть подобную аналогию в другой известной казахской пословице: «До 5 лет относись к сыну как к хану, с 5 до 15 – держи его как раба, после 15 – веди себя с ним как равный». У огузов дети мужского пола после 15-16 лет обязательно обучались военному делу. Хакасы с 15 лет привлекали юношей к промысловой охоте в тайге, сопряженной зачастую со значительным риском. П.М. Мелиоранский приводит аналогичные данные о казахах и туркменах, подытоживая: «по ходячему мнению некоторых турецких племен, хороший мужчина уже в пятнадцать лет настоящий мужчина»¹⁰. Отметим также фиксируемое исследователями равнодушие кыргызских эпитафий к точным датам: «Здесь проявилось равнодушие традиционного возраста к линейному (необратимому) времени. Фиксируются главным образом циклические процессы. Выделяемые кыргызами социальные возрасты кратны числу 8»¹¹. Таким образом, наиболее важные социальные возрасты для кыргызов 8-10 лет, 15-16 лет, 40 лет.

«В своей классической законченной форме система возрастных классов изучена у целого ряда африканских племен, живущих к югу от Сахары. Особенно известно в этой связи воинственное скотоводческое племя масаи (граница Кении и Танганьики). Мужское население каждого из округов, на которые распадается территория племени, делится на три класса: 1) «мальчиков» (до 12-16 лет); 2) «воинов» (до 28-30 лет) и 3) «пожилых людей»¹².

Итак, приведенные примеры довольно наглядно показывают наличие возрастной градации в большинстве традиционных обществ, причем, весьма далеких друг от друга. В обществах, традиционный характер которых не вызывает сомнений, эта градация вполне эксплицитна и имеет зачастую институциональный характер. По всей видимости, в процессе развития различных человеческих сообществ, половозрастная градация уступает место иной, в большей степени социально обусловленной дифференциации, хотя и может оставаться в качестве своеобразной памяти, отражающейся в мифологии, повседневных представлениях, моральных установках и т.п. Не случайно один из наиболее оригинальных исследователей европейского средневековья Э. Ле Руа Ладюри, говоря о возрастной структуре, отмечает, что «взрослые мужчины, которые и в самой Монтайю, и в ее диаспоре диктуют законы..., по-видимому, находятся в возрасте между 20-тью и 50-тью годами. Их расцвет – тридцать лет. Их окситанское сорокалетие – еще могучий возраст. Зато действительно старые люди той эпохи, те, кому за пятьдесят»¹³.

Тем не менее в европейском средневековом обществе мы уже не находим такой строгой социально-возрастной градации, а отмеченные выше схемы человеческих возрастов, по мнению А.Я. Гуревича, «не столько отражали наблюдения над реальным течением человеческой жизни, сколько исходили из отвлеченных схоластических выкладок»¹⁴. Однако определенная схематичность все-таки имела место. Она выражалась, в частности, во вполне осознаваемых образцах и стереотипах поведения, присущих определенному возрасту. По мнению Э. Ле Руа Ладюри, игры, смех, шутки (легкое или легкомысленное, беззаботное поведение) служили, вероятно, опознанию возрастной категории. Своеобразный маркер соответствующего возраста. Первое причастие (18-19 лет?) означало переход во

⁷ Чечиев А.Р. Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали, 1985 // http://www.anaharsis.ru/etno/Theth_s.htm

⁸ Там же.

⁹ Уддыжеков С.А. Представления кыргызов раннего Средневековья о социальном возрасте // Вестник Хакасского государственного университета. Выпуск 2. Серия 3. История. Право // <http://www.kyrgyz.ru/page=35>

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Андреев Ю.В. Мужские союзы в дорийских городах государствах (Спарта и Крит). СПб., 2004. С. 51.

¹³ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294-1324) / Пер. с франц. В.А. Бабинцева и Я.Ю. Старцева. Екатеринбург, 2001. С. 261.

¹⁴ Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М., 2005. С. 200.

взрослую жизнь (совпадало часто с замужеством)¹⁵. Или еще один характерный пример из поэтического творчества:

«Бросим все премудрости.
По боку учение!
*Наслаждаться в юности –
Наше назначение.*
Только в старости пристало
К мудрости влечение.

Быстро жизнь уносится;
Радости и смеха
В молодости хочется;
Книги – лишь помеха»¹⁶.

Подобных примеров можно привести достаточно много. Видимо, это доказывает, что сводить все к чистой отвлеченной схоластике оснований нет. Абсолютной произвольности в выделении временных отрезков при осмыслении возраста нет. Сознание, так или иначе, отталкивалось в определении границ от качественных характеристик того или иного возрастного состояния. Известно, что время характеризуется продолжительностью и направленностью, возраст же есть производная от категории времени. Но, как справедливо отмечает современный психолог В.И. Слободчиков, «собственно возраст имеет еще и такой параметр, как топика — место в ряду других возрастов, а значит, характеризуется и своими границами. Поэтому-то он и не может быть полностью определен пустым объемом времени (отсюда бессмысленность календарных и паспортных возрастов), а может быть задан лишь тем содержанием, которое определяет границы и наполненность любой временной формы»¹⁷. Возрастные категории имеют, таким образом, скорее качественный, а не количественный характер. Как отмечает Г.В. Любимова, «так же, как и время, возраст воспринимался крестьянами в значительной степени как относительная величина... В целом, сама категория «возраст» означала не столько количественное выражение прожитых лет, сколько определенное состояние человека, фиксировавшее уровень его физического, умственного и нравственного развития, включая брачный и социальный статус»¹⁸. К примеру, исследователь XIX в. Н.П. Григоровский отмечал, что крестьянин, женившийся старшего сына, считал себя уже стариком, хотя бы ему и было «еще с небольшим 40 лет»¹⁹.

Прекрасной иллюстрацией к вышеприведенным рассуждениям может быть анализ представлений о своем возрасте русских крестьян по переписям начала XVIII века. Так, в 1710 г. «оброчный крестьянин Фрол Артемьев сын Юровский сказал себе от роду 45 лет», помимо прочих, у него зафиксирован старший сын Алексей 14 лет. Уже в 1719 г. тот же крестьянин Фрол Артемьевич Юровский сказал, что ему 60 лет, старшему сыну Алексею 25 лет, и он уже женат и имеет двухлетнего сына Ивана. Еще один пример: в 1710 г. «оброчный крестьянин Михайло Стафеев сын Грачев сказал себе от роду 50 лет», старшему сыну Миките 10 лет. Через девять лет в 1719 г. Михайло Стафеевич Грачев назвал себе уже 70 лет, сыну Никите 25 лет, он также женат и имеет сына Ивана двух лет. Таких примеров можно привести достаточно много²⁰.

Действительно, изменение брачного и социального статуса меняло представления крестьян об их собственном возрасте. Однако мы встречаем не только увеличение реального возраста, хотя это явление по нашим подсчетам является преобладающим, но и уменьшение, хотя нами зафиксировано всего восемь подобных случаев. Так, в 1710 г. крестьянин Меркурий Михайлович Пономарев сказал, что ему 50 лет, у него было два ребенка – восьмилетняя дочь Марфа и трехлетний сын Иван. К 1719 г. он переселился в село Уксянское и назвался также пятидесятилетним. Нечто подобное мы встречаем в случае с еще одним крестьянином Крутихинской слободы, переселившемся между двумя переписями в

¹⁵ *Ле Руа Ладюри Э.* Указ. соч. С. 318.

¹⁶ Беззаботная песня. Анонимная песня XI–XII вв. (Ваганты) / Пер. О. Румера // Зарубежная литература средних веков. Латин., кельт., скандинав., прованс., франс. литературы / Сост. Б.И. Пуришев. М., 1974. С. 36.

¹⁷ *Слободчиков В.И.* Указ. соч. С. 42.

¹⁸ *Любимова Г.В.* Возраст и время в традиционном мировосприятии крестьян-сибиряков // Сибирский этнографический вестник. № 1. Новосибирск, 1999// www.sati.archaeology.nsc.ru

¹⁹ *Григоровский Н.П.* Крестьяне-старожилы Нарымского края // Записки Западно-Сибирского отдела РГО. Омск, 1879, кн. 1. Цит. по: *Любимова Г.В.* Возраст и время в традиционном мировосприятии крестьян-сибиряков// Сибирский этнографический вестник. № 1. Новосибирск, 1999// www.sati.archaeology.nsc.ru

²⁰ Использованы материалы переписи Крутихинской слободы в Зауралье: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214 (Сибирский приказ). Кн. 1525, 1587.

деревню Татарскую. В 1710 г. Семену Семеновичу Буркову по его словам было 50 лет, а в 1719 г. он также заявляет себе такой же возраст²¹.

Похожая ситуация была отмечена и другими исследователями. А.Б. Каменский при изучении переписных книг XVIII в. по городу Бежецку неоднократно сталкивался с подобными нестыковками. Так в одном из примечаний автор указывает на жителя Бежецка Кузнецова, который в 1709 г. обозначен 30-летним возрастом (1679 года рождения), а в 1747 г. – 72-летним, т.е. 1675 г. рождения.²² Здесь разница составляет всего 4 года, что можно списать на сугубо арифметическую погрешность. Но вот еще один пример, более красноречивый. Примечательна история еще одного жителя Бежецка Ивана Степановича Велицкого, которому в 1722 г. было 28 лет (1694 года рождения), однако в 1763 г. он записан как 57-летний (1706 г.р.), а в 1747 г. он числился 39-летним, т.е. 1708 г.р.²³ Разница между первоначально заявленным возрастом и максимально молодым составила уже 14 лет. Однако никакого внятного объяснения этим расхождениям А.Б. Каменский не дает, хотя и обращает на это внимание. Скорее всего, мы сталкиваемся здесь с такими же жизненными обстоятельствами, заставляющими человека то увеличивать свой возраст, то уменьшать.

Отметим еще одно обстоятельство, бросающееся в глаза при анализе возрастной структуры по данным переписей начала XVIII в. Существенное преобладание так называемых «круглых» чисел в названном крестьянами возрасте. Так по переписи 1719 г. в деревне Загайновой Крутихинской слободы среди 17 дворохозяев один назвал себе 30 лет отроду, 7 человек – по 40 лет, 5 – по 50 лет, 3 – по 70 лет и один – 80 лет. Приведем типичную в этом смысле запись той же переписи по Крутихинской слободе: «Во дворе Алексей Максимов сын Хмелинин 30 лет, у него братья Семен 25 лет, Иван 10 лет. У Алексея дети Иван 5 лет, Василий 3 лет. У него же живет бобыль Иван Козмин 20 лет». Указание возраста детей до десятилетнего возраста по данным переписей отличается большим разнообразием, крестьяне более точно указывали возраст: «Никита Афонасев сын Королевых 40 лет, у него дети Григорий 12 лет, Иван 8 лет, Афонасей 2 лет»²⁴.

На такую же примерность счета годов указывает и Э. Ле Руа Ладюри: «монтайонские крестьяне пользуются приблизительной хронологией, худо-бедно привязанной к праздникам, веселье во время которых служит мнемотехническим приемом. Контраст между «твердым» временем грамотеев и «мягким» временем мужланов с еще большей силой проявляется, когда речь заходит о счете крупными периодами года, годами, рядом годов. Тогда приблизительность становится правилом»²⁵. Далее автор приводит конкретные примеры: три-четыре года назад или «когда в Монтайю заправляли еретики», «перед облавой каркассонской инквизиции» и т.п.²⁶

В приведенных выше примерах мы сталкиваемся с еще одним значением категории возраст – социальный возраст, который определяется «путем соотнесения уровня социального развития человека (например, овладения определенным набором социальных ролей) с тем, что статистически нормально для его сверстников»²⁷. Как отмечают, «в понятии социального возраста за основу взяты те социальные изменения, которые происходят в психике. Это, с одной стороны, жизненные события, которые происходят с каждым из нас в определенном возрасте, и, с другой, возрастные изменения, определяющие мировоззрение человека, его отношение к жизни».²⁸ Но в данном случае для нас более важным является субъективно переживаемый человеком возраст, «имеющий внутреннюю систему отсчета. Речь идет о возрастном самосознании, зависящем от напряженности, событийной наполненности жизни и субъективно воспринимаемой степени самореализации личности».²⁹ Проведенный нами анализ показывает, что стабильность в жизни человека, повышение его брачного статуса, превращение в отца или деда со временем увеличивало осознание своего возраста. И наоборот, уменьшение стабильности, переезд в другое место, приводившее к необходимости как бы начинать все с начала, своего рода «омолаживало» человека, заставляло увеличивать свою жизненную перспективу за счет сокращения осознаваемого возраста.

Однако остается открытым вопрос о том, почему, все-таки, в одних случаях люди указывают более или менее точный возраст (по крайней мере, соответствующий документальным данным), а в других – нет. Особенно ярко это противоречие становится заметным при анализе данных, существенно

²¹ Там же.

²² Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2007. С. 68.

²³ Там же. С. 72-73.

²⁴ Там же.

²⁵ Ле Руа Ладюри Э. Указ. соч. С. 341.

²⁶ Там же.

²⁷ Сапогова Е.Е. Указ. соч.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

разведенных по времени. Для такого анализа мы сравнили переписи 1680-1681 гг. и 1710 г. по двум зауральским слободам – Царево Городище и Белозерская. Вновь мы сталкиваемся с уже знакомыми обстоятельствами. Так, в 1710 г. «крестьянин Григорий Кетов сказался 53 лет»³⁰, а на основании данных 1681 г. ему должно быть не больше 40–42 лет.³¹ В общей сложности таких примеров всего несколько. Подавляющее большинство таковых свидетельствует, что, несмотря на значительный временной отрезок (30 лет), люди довольно точно указывали свой возраст, вне зависимости от своих жизненных обстоятельств. Возможным объяснением этого могут быть исключительно индивидуальные мотивы. Здесь мы сталкиваемся со своего рода историческими казусами, порою никак не поддающихся корректной интерпретации с точки зрения обобщенных схем, моделей поведения и тому подобных объяснительных механизмов. В этой связи любопытным и перспективным с точки зрения дальнейшего исследования является решение задачи – в каких случаях, по каким причинам, социокультурная матрица общественного сознания срабатывает на уровне индивидуального поведения, а когда действуют исключительно частные причины, и какова между ними взаимосвязь? Смеем утверждать, что изучение восприятия возраста в историческом контексте дает для решения указанной проблемы довольно много возможностей.

³⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1526. Л. 196.

³¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 261. Л. 1598.